

Алена
МОСКОВСКАЯ

ПОСЛЕ РАЗВОДА
СТАРАЯ ЛЮБОВЬ
(НЕ)РЖАВЕЕТ

Алена Московская

**После развода. Старая
любовь не ржавеет**

«Литнет»

2025

Московская А.

После развода. Старая любовь не ржавеет / А. Московская —
«Литнет», 2025

МОЯ НОВИНКА «ИЗМЕНА. НЕУГОДНАЯ ЖЕНА» ♥#— Остановись ты! Нам нужно поговорить, – рычит он и идет за мной. — Нет, не нужно. Все разговоры бессмысленны. Десять лет назад он ушёл к молоденькой любовнице. А я осталась одна. Поднимала бизнес, растила дочь, учила ее не ждать, что папа вернется. А теперь он тут. Говорит, что всё осознал. Что мы — его настоящая семья. Что хочет начать сначала. Только вот я не та Марина, которую он бросил. Теперь я знаю цену себе. И знаю цену словам и времени. Но ведь старая любовь не ржавеет? Правда ли это, мне предстоит узнать. ХЭ♥#Комментарии ЗАКРЫТЫ ИЗ-ЗА СПОЙЛЕРОВ! Чуть позже будут открыты!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Визуализация героев	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Марина

— Бокал просекко, Марина Николаевна? — администратор в белой форме склоняется с улыбкой.

Киваю: пусть будет.

Сегодня можно позволить и пузырьки, и лишние раздумья. Выпускные не каждый день бывают.

В зеркале дорогого салона — женщина сорока шести.

Волосы накручены мастером, из динамиков тихо льются саксофон и море английских слов, которые я всё равно не распознаю.

Пытаюсь сосредоточиться на причёске, но вместо этого вижу перед собой дочь — круглолицую трехлетку, которая с криком «Ещё!» каталась на карусели до полного головокружения.

Пять минут назад, кажется, я застегивала ей на спине школьный фартук и вкручивала в тугие косы белые банты, которые она ненавидела.

А сегодня моей дочери двадцать три, и она в красном платье уверенным шагом выйдет на сцену за дипломом.

Двадцать три года я пыталась быть и мамой, и папой, и швейцарским ножом на все случаи жизни.

После того как мой бывший муж марш-броском ушёл к юной восемнадцатилетней «любви до гроба», в доме стало непривычно пусто, а в холодильнике — неоправданно много молока.

Он растворился как файл из облака: алименты — да, редкие СМС от банка — да.

Поздравление с днём рождения дочери — ни разу.

Помню так же словно пять минут назад, Катя тогда сказала: «Не буду ждать, если он не пришёл».

Упрямая, как я.

Но каждые её школьные линейки, каждая простуда, любой день защиты курсовой — я заполняла собой.

Разрывалась между поставщиками, чизкейками, кредитами и родительскими собраниями, где все приходили парами.

Сама шила ей выпускное платье в девятом — чистая органза, чтобы блестела на солнце; сама учила её водить машину; сама вытирала ей слезы, когда ей впервые разбили сердце.

Иногда, по ночам, слушая, как в квартире скрипит паркета меньше, чем должно, я всё равно представляла двоих — руки Бориса на плечах дочки, его смех где-то на кухне.

Пусть даже раз в год.

Пусть даже на двадцать минут.

— Потрясающая структура волос, — слышу над собой профессиональное одобрение, — Сделаем еще вот тут мягкую волну без лишней фиксации.

— Чтобы выглядело так, будто задумано, — улыбаюсь.

Задумано, да. Смех да и только.

Снова возвращаюсь в свои мысли, не могу осознать, как из малышки под столом выросла взрослая женщина.

Телефон гудит в сумке. Дмитрий:

«Завтра привезу рикотту и творог. Может, пломбир? У вас плечи устали держать мир, пора чем-то себя баловать».

Мой знакомый фермер со смущённой улыбкой и запахом свежего сена не был свидетелем моих войн и побед, но смотрит так, будто всё знает заранее. Я непроизвольно улыбаюсь.

Хотя бы кто-то на горизонте не исчезает так же резко, как появляется.

Мастер фиксирует последний локон, подаёт зеркало: отражение одновременно чужое и знакомое.

Красная помада, блеск в глазах, отполированная уверенность — броня, под которой тихо дрожит вопрос: «А справилась ли я?»

Плащ, клатч, тонкая шпилька.

Просекко чуть кружит голову, но это приятнее, чем воспоминания о том, сколько ночей я разбирала взрослые Катины слёзы, сидя на полу её комнаты, потому что кровать уже занята её взрослыми решениями.

Сегодня я зайду в актовый зал, сяду в третий ряд и буду аплодировать громче всех.

Улыбаться, пока не сведёт скулы.

Потому что моя девочка получила всё, что могла получить.

Не от двоих родителей, а от одной, но сразу за двоих.

Двадцать три года — и я держу в кулаке непрошеное сожаление: что она растила себя без отца.

Но, чёрт возьми, какая она выросла!

За это можно поднять не один бокал.

Я делаю вдох. И выхожу из салона.

Университет, как всегда, встречает тяжёлым фасадом, равнодушным к переживаниям.

Гул голосов, хлопки каблучков по ступеням, букеты и шелест нарядных платьев — всё перемешалось в одной кипящей кастрюле под названием «выпускной».

Я иду по внутреннему двору от бедра, будто за мной тянется телекамера.

Впрочем, за мной действительно кто-то тянется — то ли фотограф, то ли жизнь, которой я больше не управляю.

Вижу её сразу.

Доченька стоит у колонны.

Боже, как у меня подкосились колени.

Сейчас бы сесть на ближайшую скамейку и поплакать.

Или хотя бы притвориться, что соскочил каблук.

— Мам! — Катя уже спешит ко мне, прижимается носом к щеке. — Ты такая красивая.

— Я старалась.

Мне безумно приятно, что она оценила.

— Вот, — она протягивает мне сумку, глаза блестят. — Подержи пока.

— Я так тобой горжусь, очень сильно, ты самая лучшая у меня, — шепчу я, потому что говорить громко — значит, голос дрогнет.

Катя смеётся.

Вот егоза, лишь бы над мамой пошутить.

Но я прикусываю губу, делаю глубокий вдох. Еще один и еще парочку.

— Мам, ты чего? — дочка прищуривается, — Опять хочешь плакать?

— Я уже внутренне рыдаю и строю глазки министру образования, — пытаюсь отшутиться, но чувствую, как по позвоночнику пробегает мурашки.

Позади на сцене что-то объявляют, музыка затихает, ведущий просит занять места.

Все рассаживаются: родители, преподаватели, студенты, а я — в третьем ряду, в платье с тонким ремнём, сжимая в руках клатч, сумку и себя.

Вспоминаю, как десять лет назад мы с Катей засыпали в одной кровати — я с усталостью, она с книжкой про Гарри Поттера.

Как однажды ночью она проснулась от кошмара и тихо спросила:

— Мам, а папа когда вернется в семью?

А я тогда сказала:

— Мы с тобой и есть семья. Этого достаточно.
И с тех пор старалась, чтобы было не просто «достаточно», а как минимум — хорошо.
А в идеале — счастливо.
Катя машет мне рукой со сцены.
И в следующее мгновение у меня сердце останавливается.
Слышу знакомый голос.
Слышу до боли знакомую поступь.
Оборачиваюсь.
Стоит с белым букетом роз, все тот же, словно не изменился.
Затаиваю дыхание и несколько раз моргаю, в попытках понять, что это не сон..
— Привет, Марин, — ухмыляется он и протягивает мне цветы, — давно не виделись.

Глава 2

Марина

— Ты что здесь делаешь, Соколов?

Слова вырываются почти шёпотом.

Он всё тот же.

Даже пахнет так же — лёгкий аромат дорогого парфюма, который я, кажется, ненавидела, пока не начала скучать по нему.

Белая рубашка, прямая спина, и этот его дежурный прищур, будто он знает, что я растерялась.

Потому что да — растерялась.

— Приехал поздравить дочь, — отвечает спокойно, как будто и правда имеет на это право.

— А тебя кто-то ждал? — выпаливаю резче, чем хотела.

Он чуть склоняет голову, держит в руках букет роз, который я не забрала.

Мне хочется уйти.

Развернуться.

Сказать «Катя не будет рада» или просто проигнорировать.

Но ноги не двигаются.

Потому что я смотрю в его глаза.

В те самые голубые — бездонные, холодные, и вечно чуть насмешливые.

И что-то внутри меня замирает.

Как тогда.

Как много лет назад.

Проклятье.

— Ты... как ты узнал вообще? — спрашиваю тише. Голос дрожит.

— Я следил, — он говорит это почти с усмешкой, но не злобной, а... виновато?

— Прекрасно. Ну что ж, как трогательно. Только тебя здесь никто не ждал. Ни я. Ни она.

Сердце стучит где-то в районе солнечного сплетения.

А он всё стоит.

Как будто вернулся в один из тех дней, когда еще жил с нами, когда мог просто открыть дверь и сказать: "Я дома".

А теперь — вот так. Выпрыгнул из прошлого, из памяти.

Может, я уснула в кресле салона?

Просекко ударило в голову, и всё это снится?

Я оборачиваюсь.

Зал полон.

Камеры щелкают, кто-то машет флажком с логотипом университета.

Нет.

Это не сон.

Это Борис.

На выпускном нашей дочери.

С розами.

И с тем лицом, к которому я так долго привыкала не скучать.

— Марина... — он делает шаг ближе, и я машинально отступаю.

— Нет. Не здесь. Не сейчас. У Кати сегодня праздник. Мы не устроим из него драму, понял?

Он кивает.

А внутри... внутри у меня каша.
Я не злюсь.
Почему не злюсь?
Не могу сказать, что мне всё равно.
Потому что не всё равно.
Потому что боль, оказывается, не испаряется, а просто прячется глубже.
И когда надо — выплывает.
На белом фоне. На выпускном.
Я отворачиваюсь, чтобы не расплакаться.
Катя в этот момент уже на сцене, держит диплом.
А я в третий раз за день говорю себе: «Соберись, Соколова».
Иду в зал.
Он не идёт следом.
И слава богу.
Или — жаль? Пока трудно сказать.
Проходит минут тридцать, но я будто под водой.
Сижу, хлопаю в нужные моменты, улыбаюсь кому-то в два ряда от себя, держу в руках клатч и Катину сумку, и всё время думаю: это был сон. Ужасный, но такой реалистичный.
Это не может быть правдой.
Он не мог вот так — появиться из воздуха.
Но я оборачиваюсь — и он всё там же.
Стоит у стены, не прячется, не сбежал, не растворился. Впервые за десять лет.
Когда церемония заканчивается, родители начинают выдвигаться к выходу.
Я встаю медленно.
Катя появляется из-за колонны — сияющая, смеющаяся, с дипломом и охапкой цветов.
У неё глаза светятся, щеки пылают. Девочка моя любимая.
Она подбегает ко мне, берет сумку из рук, поправляет волосы.
— Мне показалось, или... — она запинается, смотрит в сторону, где только что стоял он,
— или мне померещилось?
Я смотрю ей в глаза.
— Ты не ошиблась.
Катя замирает.
На её лице пробегает тень — не удивления, нет.
Раздражения.
Или растерянности.
— Ну, здравствуй, дорогая.
Я оборачиваюсь.
Он подошёл.
Вплотную.
Как будто просто опоздал к началу праздника.
— Ты так выросла, — произносит он.
Смотрит на Катю.
Ту самую, которую десять лет не поздравлял с днём рождения.
Не спрашивал, как дела.
Не знал, кем она хочет стать.
Смотрит, как будто имеет право.
Катя не отвечает.
Я делаю шаг вперёд, не зная, что скажу — но зная точно: молчать уже не получится.

Визуализация героев

Дорогие читатели! Рада приветствовать вас в книге.

Сейчас посмотрим на наших героев, а пока спешу напомнить!

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ добавлять книгу в библиотеку и ставить звездочку (Лайк)

Любая ваша поддержка бесценна! Спасибо!

Марина Николаевна Соколова

Борис Соколов - наш заблудший мужчина

Екатерина Соколова - дочь, скопившая обиду

И любовница Бориса - Лолита

Глава 3

Марина

— Что ты здесь делаешь, дядя?!

Катя выскакивает вперёд, как пуля.

Ни секунды на паузу, ни на вдох.

Лицо сменилось резко на злобное, не припомню, когда вообще ее такой видела.

Я даже не сразу понимаю, что сейчас произошло — как будто кто-то выстрелил в воздух на собственной свадьбе.

Борис слегка отшатывается, но сохраняет самообладание.

— Я твой отец, Катя.

— Извините, мужчина, — холодно шипит она, приподнимая бровь, — Вы, кажется, нас с кем-то спутали. Мы с мамой вообще никого не приглашали. Особенно отцов.

Я стою рядом как вкопанная.

Ни слова.

Ни звука.

Я просто опешила.

Перебивать дочь?

Ни за что.

Эта сцена принадлежит ей.

Она ждала её неосознанно десять лет и лишать ее такого удовольствия особенно эгоистично.

Боря делает полшага вперед, неловко протягивает букет. Как курица с яйцом, он с этими цветами, ей богу.

Розы в его руках вдруг кажутся неуместными.

Яркими. Почти вызывающими.

Как будто он пришёл не на выпускной, а пытается загладить свою измену коробкой «Рафаэлло».

— Я... хотел поздравить тебя. Это важный день. Я просто хотел быть рядом.

Судя по интонации – не врет.

— Поздравил? — Катя скрещивает руки на груди и смотрит исподлобья, — Посмотрел? Действительно важный день. Такое бывает раз в жизни. Только к тебе этот день не имеет никакого отношения, как собственно и я.

Она проводит рукой сверху вниз, почти театрально, но так, что от этого жеста становится холодно.

— Вот тебя я и запомню. На фоне колонны. С цветами, — она делает паузу и добавляет почти любезно: — За десять лет — отличный результат. Невероятный.

Боря опускает взгляд. Всего на секунду.

Рядом шумно — фейерверки из конфетти, кто-то смеётся, играет музыка, девушки в платьях фотографируются с преподавателями.

В воздухе — запах духов, жаркого вечера, начала новой жизни сотни выпускников. И чего-то наигранного в виде папаши, затерявшегося на долгие годы.

А нас как будто отмотали назад.

В дом, откуда он ушёл.

В тот вечер, когда Катя сидела в коридоре в пижаме с мишками, а я пыталась не плакать.

Она тогда не была такой смелой. Такой колючей.

Она была маленькой и ранимой.

Теперь она взрослая. Выросла сильная.

Без него.

— Катя... — он пытается что-то сказать, но она делает шаг назад.

— Не надо. Никаких «Кать». Я вас не знаю.

Я вижу, как у него дергается уголок рта.

Он хочет выглядеть достойно. Но у него не получается.

— Мы пойдем, — говорит дочка.

Берёт меня за руку.

Не спрашивает, просто ведёт.

Я иду за ней.

Виновата ли я в том, что не остановила её?

Нет.

Грущу ли я? Да.

Цветы ведь так и завянут, только если он не передарит их своей новой.

Он всё пропустил.

А теперь ему кажется, что можно просто войти обратно.

Мимо нас проносится группа студентов с воздушными шарами. Кто-то кричит: «Фото с родителями!»

Катя останавливается. Смотрит на меня.

— Мам, — произносит она тихо, — Только с тобой, ладно?

— Конечно. Только со мной.

Мы встаём на фоне колонны, как надо.

Я обнимаю её за плечи, а она прижимается ко мне.

И в этом прикосновении — всё: десять лет без него, ночи с температурой, сессии, утренние бутерброды, платье на выпускной, сшитое вручную. Всё, что было только между нами двумя.

Щёлк.

Вспышка.

Момент сохранён.

Я оглядываюсь.

Бориса уже нет.

Может, его и не было вовсе.

Только тень прошлого, которую Катя сегодня смогла стереть.

Глава 4

Марина

Недолго думая, мы с Катей выходим на площадь перед университетом.

Народу — море.

Пытаемся пробраться через толпы людей. Чуть не подскальзываюсь на последней ступеньке, но успеваю ухватиться за руку дочери. Она усмехается и показывает экран телефона.

— Уже вызвала, давай ты не будешь залетать в салон прямо с размаху?

Я улыбаюсь. И правда не хочется.

Сейчас жалею, что не приехала на машине.

По крайней мере, могла бы уехать быстро.

А теперь такси ещё не подъехало, и я проклиная этот грёбанный бокал шампанского, от которого в голове легкий туман.

Не такой, чтобы шататься, но достаточный, чтобы не держать лицо идеально, как оно бы того хотелось.

— Мам, он идёт, — я ощущаю как она теперь сдавливает мою руку сильнее.

Черт.

Только этого не хватало. Мысленно все еще надеюсь, что это неправда. Но ошибаюсь. Оборачиваюсь и вижу бывшего мужа, который идет в нашу сторону.

Борис.

Он всё ещё здесь.

Легок на помине.

Вид виноватый, спина чуть сгорблена. Идет не торопясь, будто не хочет, но должен. Что он хочет?

Говорить?

Плакать?

Извиняться?

И почему сейчас?

Почему именно сегодня?

У меня внутри все от его вида сжимается, я все еще не вижу смысла ни в одном действии, и если у него приключилась какая-то беда и он ищет у нас помощи.

Пусть знает - ничего он не получит от нас.

— Я просто хотел поговорить, — произносит он, подходя ближе.

Катя резко делает шаг вперед.

Я не узнаю свою добрую и не конфликтную дочь. Она одергивает от меня руку.

— Дядя, мне вызвать полицию?

Он замирает прямо перед нами в двух метрах.

— Будете говорить в обезьяннике. А не отойдете сейчас — получите каблуком по ноге, ясно? — дочь не унимается и пользуется правилом.

Лучшая защита - нападение.

Я осторожно касаюсь её руки. Снова.

— Катя... — только одно слово срывается с моих уст.

Она чувствует.

Замирает.
Не срывается.
Просто подходит чуть ближе ко мне, спиной ко всему миру.
А он... кивает.

— Понял.
Однако наоборот только подходит.
Смотрит на нас, больше не говоря ни слова.

Кидает в помойку букет белых роз и те с грохотом летят бутонами вниз.
Просто цирк.
А этот, главный клоун...
Не убегает. Не оправдывается. Просто уходит.

Как будто всё уже сказано.
Или — никогда не будет сказано.
Я смотрю ему вслед и не знаю, что чувствую внутри.

Жалость? Нет.

Злость? Уже прошла.

Пустоту? Возможно.
Может, мы слишком легко перекрыли ему кислород.
Не дали сказать.

А с другой стороны, он должен был сам всё сказать десять лет назад. Это явно не наша ошибка была, когда он ушел.

В чем виноваты девочка подросток и женщина, которые просто хотели счастливую семью?

Такси подъезжает.
Катя садится первой.
Я — следом.

Машина мягко трогается, кондиционер слегка гудит, холод идет по ногам, на радио играет что-то джазовое с саксофоном, вроде «лет ит би».

Я облокачиваюсь на теплое стекло и резко, словно я снова там, перед глазами всплывает воспоминание.

Боря заходит домой.
Раннее утро.

Я стою в дверном проеме нашей спальни, протираю глаза, завязываю черный шелковый халат.

— Доброе утр...
Но я не успеваю договорить.

Он говорит, глядя в сторону:

— У меня появилась другая. Я ухожу от тебя.

Сначала я даже не поняла, что он обращается ко мне.

Просто стояла в ступоре, как будто меня ударило током.
Помню тот холод, который пробежался по моей спине.

— Что? — единственное, что сорвалось с моих уст тогда.

Он вздыхает, тяжело, протяжно, но продолжает разбивать мое сердце.

— Я тебе изменил. С тобой мне скучно. Прости, Марина. Можешь... уехать по делам или куда ты там собиралась. Дай мне сутки. Я освобожу дом.

И всё.

Никаких скандалов.

Никаких сцен.

Никаких «застала в постели с любовницей».

Просто как справка об увольнении с должности любимой жены.

Холодно. Рационально. Почти вежливо.

А у меня внутри тогда разорвался мешок с болью.

Я стояла, оцепенев, и мне так хотелось броситься ему на шею. Обнять его, провести рукой по его щетине, заглянуть в небесные глаза, которых мне всегда было так мало рядом.

Я так хотела прокричать ему в лицо, сказать: «Ну хватит, не шути, это не так... Ты же говорил, что у нас все хорошо, что мы твои любимые девочки, скажи пожалуйста, что это шутка, просто скажи. Ты же только месяц назад признавался мне в любви. Почему? За что?

Но я ничего из этого не сказала. А он снова ничего из этого не произнес.

С того дня я поняла одно:

Все слова мужчин — это ложь.

Только вот кочка, машина медленно останавливается и я слышу голос дочери, возвращаясь в реальность.

— Пока, мам. И не грусти, — Катя наклоняется, целует меня в щёку, — Он того не достоин.

Я только киваю.

Машина остановилась возле её дома, хотя я-то просила сначала мой адрес.

Но она назвала свой первой, и я сразу поняла — ей нужно переварить всё на своей территории.

Без меня.

Понимаю.

— Не хочешь зайти ко мне на чай? — спрашиваю почти с надеждой, хотя и понимаю, что услышу в ответ.

— Мам, я обязательно приеду завтра, — отнекивается она мягко, — Меня сегодня уже ждут в гостях.

И после паузы добавляет, поджав губы:

— Давай не будем позволять этому... — снова пауза, — портить наш вечер. Он не входил в наши планы последние десять лет.

Я слабо улыбаюсь.

— Убедила. Давай завтра.

Такси трогается с места.

Я одна.

Картинки города размываются в отблесках.

Воздух в машине становится все холоднее, как и у меня внутри.

Сажу в расфокусе, не могу собрать мысли в кучу.

Какая-то пустота накрывает снова и снова.

Еще и эта дурацкая ностальгия.

— Так, успокойся, Маринка, ничего такого не произошло, — шепчу под нос, успокаивая сама себя, — Просто единоразовый эпизод.

Сама не заметила, как такси подъехало к дому.

Выхожу на автопилоте и поднимаюсь по лестнице к подъезду. Захожу в лифт.

То ли он гудит, то ли что-то внутри меня.

Открываю дверь в квартиру. Все на автомате.

Я привычно разуваюсь, ставлю обувь на коврик, сбрасываю платье прямо на пуфик в прихожей — на сегодня хватит.

На кухне я включаю свет, достаю лимон, насыпаю в чашку две ложки сахара.

Завариваю чай — терпкий, с кислинкой, такой, какой я люблю.

Сажусь перед телевизором.

Экран мигает заставкой, я даже ничего не включаю.

Просто сижу.

И думаю.

На душе — странно.

Вроде бы всё хорошо. Всё прошло. Катя — умница. Выпускной. Новый этап.

Но в голове — не тишина.

В голове — вопросы. И все о том же.

Что ему нужно?

Зачем он пришёл?

Почему именно сейчас?

Прошло столько лет.

Для него жизнь, наверное, шла своим чередом.

Для меня... ну, я тоже жила. Как могла.

Если честно, я даже чуть не вышла снова замуж.

Да-да. У меня был такой... кандидат.

Познакомились возле кофейни. Подкараулил, пролил на меня латте, извинялся, суетился. Даже салфетками размахивал, как флагом мира.

Потом — букеты, смс-ки, звонки по вечерам. Всё красиво. Всё, как будто по методичке.

Я расслабилась. Почти поверила. Хотела просто быть женщиной. Маленькой. Хрупкой. Той, которую оберегают и любят.

И вот как раз в тот момент, когда я уже почти решила: «Может, это и правда судьба?» — случился сюрприз.

Как-то возвращаюсь домой пораньше и слышу, как он болтает по телефону на кухне.

— Да ты чё! Сейчас быстренько женюсь на ней, отжарю, отожду бизнес — у нее там своя кондитерская, представляешь? Сейчас только в постель затащу, и она вообще вся моя будет. Я же самец, ты чё, братан!

Самец.

Именно так.

После этого в моей жизни не было мужчин.

Да я и не особо хотела.

История, может, и грустная, если смотреть со стороны.

А для меня — поучительная.

С тех пор я отношусь к мужчинам... скажем так, с интересом зоолога в террариуме.

Наблюдаю. Фиксирую. К рукам не прикасаюсь.

Особенно — к бывшим.

Особенно — к тем, кто уже предавал.

Сажу. Пью чай.

Сердце молчит. Или не хочет говорить.

И я его понимаю.

Глава 5

Марина

Спалось плохо.

Хотя плохо — это ещё мягко сказано.

Мне просто не спалось.

Я ворочалась, как бельё в барабане старой стиральной машины, то погружаясь в воспоминания, то в мысли, то в пустые обиды, которые вроде бы уже сто раз простила.

Или... хотя бы выбросила в мусорное ведро вместе с былыми иллюзиями.

Сквозь шторы пробивался рассветный свет, подушка то холодела, то душила, а в голове крутилось одно и то же: зачем он приходил? Что хотел сказать?

И почему я до сих пор не могу выбросить это из головы?

Встала рано.

Не из-за будильника — просто поняла, что дальше лежать смысла нет.

Пошла в ванную, умылась, смыла с себя всё лишнее — и заодно укладку из вчерашнего салона.

Этот лак, который вчера казался воздушным и лёгким, сегодня напоминал о себе липкими прядями, сбившимися во время сна и беспокойства.

Горячий душ немного взбодрил.

Сделала аккуратный макияж, без излишеств.

Тон — ровный, скулы — подтянутые, губы — нюд.

Надела белый пиджак. Тот самый. Парадный. С легкой линией плеч, сшитый на заказ, — он всегда придавал мне осанку победительницы.

Сегодня это было необходимо.

Спустилась к машине.

Села, включила зажигание.

Внутри — жара, как в парной, стекла запотели, будто и машина переняла мое не очень хорошее состояние.

Дорога, как всегда, — сплошные пробки, красный свет, треск радио и телефон, который не умолкает.

Били-били-били-били — как сигнал из дальнего космоса.

Я бросила взгляд на экран. Дмитрий.

Фермер не унимался. Писал с утра.

«Доброе утро, Марина Николаевна! Сегодня привезу сливки и малину. Вам что-нибудь ещё?»

Потом:

«Надеюсь, вы хорошо провели вечер».

А чуть позже, с осторожной настойчивостью:

«Вы мне не отвечаете. Всё ли в порядке?»

Вроде бы ничего криминального.

Но...

Вот это «всё ли в порядке» — оно как будто заглядывает слишком глубоко.

И внимание приятно.

Конечно, приятно.

Кто же не хочет, чтобы о ней думали? Еще и с утра пораньше.

Но я уже обожглась на таких внимательных.

И когда слишком навязчиво — начинаешь чувствовать подвох.

Мне что, теперь и от фермеров отбиваться? Ну уж нет.

Доехала до пекарни.
Открыла дверь, вошла не торопясь.
Внутри прохладно, пахнет булочками, как обычно, всё на своих местах — только цветы на прилавке, которых не было.
И рядом с ними — записка.
Простая белая карточка, сложенная пополам.
Выведенный почерк, знакомый. Текст, написанный черной ручкой.
«Марин, давай поговорим.
Вечером, в 20:00.
Ресторан “Магистраль”.
Борис».
Я долго держала записку в руке, словно она могла дать какую-то дополнительную информацию. Сакральный подтекст.
Смотрела на неё, как на билет в прошлое, обратный билет из которого давно утерян.
Да уж...
Ну и чего ты теперь хочешь, Борис? Что сказать? Что объяснить, когда всё уже давно объяснено поступками?
Я положила карточку на стойку, выпрямила спину.
Смотрела на цветы — розы, опять розы, но уже не в мусорном ведре. На этот раз — в вазе.
Видимо, кто-то из девочек не смог их выбросить. И
ли решил, что жалко, пусть стоят.
А я стою и думаю: идти или не идти.
Но внутри я уже знаю: не пойду.
Не потому что не верю.
Потому что не хочу ничего знать.
Точнее уже знаю.
Знаю, что нельзя найти ни одного оправдания для того, чтобы пропасть так просто на 10 лет, оставив свою семью на произвол судьбы.
Я смотрю на записку, читаю еще раз — медленно, как будто в ней зашифрован какой-то смысл, кроме этого унылого «давай поговорим».
— Нам не о чем говорить, Соколов, — произношу вслух и резко сминаю бумагу.
Резко, с хрустом, как ненужный чек.
Мусорное ведро под прилавком щелкает крышкой — точный бросок, двухочковый.
Возвращаюсь к своей нормальной привычной жизни.
К своей стабильности.
К тому, где я сильная и при параде.
Где я не плачу по ночам в подушку из-за старых ран, а проверяю температуру в духовке и выставляю товары на витрину.
Где все выверено и нет никаких дурных сомнений и переживаний.
Где я уверена полностью в реальности вокруг меня и все стабильно.
Иду в цех.
Мои кулинарии феи при своем привычном деле.
Подхожу к ним:
— Девочки, как дела на кухне? Всё по плану?
— Всё отлично, Марина Николаевна, пироги с вишней готовы, чизкейки в холодильнике.
Киваю.
Я прохожу мимо полки с выпечкой и замечаю свежие круассаны — золотистые, пухлые, с гляцевым краем и трещиной сбоку.
Один из них смотрит на меня так, словно зовет по имени.

— Я украла круассан с фисташками, — объявляю я вслух, беря его без зазрения совести,
— Пожалуйста, выложите ещё порцию.

— Есть, — машет рукой Аня, одна из моих лучших кондитеров.

И в ее голосе слышится тёплая улыбка.

Они уже знают, что шеф по утрам — настоящий хищник, когда дело касается выпечки.

Круассан в руке, иду к кофемашине. Нажимаю на кнопку, капли падают в чашку, воздух наполняется ароматом арабики.

Всё нормально.

Вот она — моя жизнь.

Без сюрпризов. Без чужих «давай поговорим».

Но только я собираюсь пойти в кабинет, как слышу, как скрипит входная дверь.

Звонок не звенит — значит, это свои.

Оглядываюсь.

Дима.

Фермер года пожаловал, официальный поставщик йогурта и недавний чемпион по смущённым взглядам.

Стоит в дверях с коробкой в руках и, кажется, с цветами тоже.

Ну, просто парад щедрых мужчин сегодня.

Я выпрямляюсь, круассан всё ещё в моей руке, и смотрю на него без особой радости, но и без раздражения.

— Ну что ж, — говорю я, повернувшись к девочкам, — Придется и второй с фисташкой тоже украсть. За стресс, так сказать.

Кто-то хихикает на кухне.

А я беру второй.

Потому что если день начинается с бывшего, то заесть его нужно точно чем-то вкусным.

Девочки, доброго времени суток!

Вот визуализация для хорошего настроения!

Хочу попросить у вас звездочек!

Инструкция ниже:

Глава 6

Дорогие читатели, спасибо за поддержку! Очень приятно.

Вот и обещанная глава!

Приятного чтения, ваша Алена!

Марина

Он поставил коробку на стол, провёл рукой по затылку — жест нерешительный, но взгляд очень даже.

— Марин, давай сходим куда-нибудь уже. Ну... на свидание. Просто ты и я. Без фермерской продукции и заказов. Я, конечно, могу тебя соблазнять рикоттой и пломбиром, но, кажется, надо действовать решительнее.

Я на мгновение теряюсь.

Смотрю на него, прищуриваюсь, будто не расслышала.

Но Дима стоит в ожидании ответа, всё тот же — серьезно настроенный, немного стеснительный.

Но он знает чего хочет.

И уж точно не планирует сдаваться.

— Дмитрий... — начинаю осторожно, — Я не думаю, что это хорошая идея.

Он делает шаг ближе, но не сокращает дистанцию.

— Ну, Марин, ты чего?

— В смысле?

— У тебя кто-то есть?

Я качаю головой.

— Нет.

— Тогда в чём причина?

Его голос не обвиняет меня, он просто хочет понять.

А я... Я нелепо усмехаюсь. С какой-то горечью. Не вслух. Про себя.

«В чём причина» — да в том, что за эти годы в голове сложился список: мужчинам нельзя верить. особенно если они улыбаются. особенно если они добрые. Особенно если они обещают не причинять боль.

— Я не плохой мужчина, — говорит он осторожно и еле слышно, — Я не сделаю тебе больно.

Да уж конечно... Вы все так говорите, — мысленно отвечаю я.

Вы все стелете мягко, да потом жестко спать. Особенно тем, кто поверил.

Но вслух я говорю другое:

— Ладно. Пойдём. Куда?

На его лице вспыхивает облегчение. Не эйфория, не победа — просто спокойная радость.

— Я хочу показать тебе одно место. Сегодня. В шесть. Я заеду за тобой.

— Хорошо, — киваю я, — Мне стоит переодеться?

Он быстро скользит взглядом по мне — не то чтобы неловко, а почти деловито.

— Да. Во что-нибудь более... спортивное. Кроссовки подойдут.

И с лёгкой полуулыбкой добавляет:

— Хорошего дня, Марина Николаевна.

Уходит, не оборачиваясь.

А я остаюсь стоять с круассаном в руке и с лёгким выдохом где-то в области сердца.

Вот чёрт. Я улыбнулась.

Сама того не заметив. На полсекунды.

Всё ещё не верю. Всё ещё не надеюсь.

Но, чёрт возьми...

Приятно.

И главное — это ни к чему не обязывает.

Правда же?

Так что ладно. Сходим уж.

Сначала только доем. Голодная вообще, особенно после всех этих мужских штучек.

Я только собираюсь вернуться к документам, сесть с чашкой кофе в кабинете, как звонит телефон.

Катя.

На экране её имя, и внутри сразу становится тепло.

— Привет, мам, как ты там?

— Да ничего, на работе. А что такое? Что-то случилось?

В её голосе чувствуется волнение — но не тревога, а что-то другое, нечто среднее между радостью и недоверием.

— Меня пригласили на работу, — говорит она и чуть понижает голос, — В международную компанию. В ту самую, куда я хотела попасть! Менеджер сам меня нашёл!

— Ой, как здорово, малыш... — я не успеваю договорить...

— Мам, — резко перебивает она, — ты не поняла.

Пауза.

— Мне сказали: «для дочери Бориса»

Тишина.

Слышу стук своего сердца.

— Это он устроил. Это не я такая умница-разумница.

Я замираю.

Медленно ставлю чашку на стол.

Горячий пар бьет в лицо, а внутри... холод.

Как будто в грудную клетку попала скалка. Раскатывает что-то старое и болезненное.

— Подожди, — выдыхаю я, — ты уверена?

— Уверена. Я ж не глухая.

Голос у неё дрожит.

— Меня встретил HR-специалист, потом вышел начальник отдела и сказал: «Ваш папа...»

Понимаю.

Слишком хорошо.

Понимаю, что этот человек, который десять лет молчал, вдруг решил «позаботиться» сейчас. Купюрой. Связью. Жестом.

Не словами. Не извинениями. Не желанием стать частью жизни.

А возможностью.

Подарком с двойным смыслом.

— И что ты думаешь? Как чувствуешь? — спрашиваю осторожно, беспокоясь за реакцию.

У самой все внутри окаменело.

— Как будто меня подменили. Как будто вся моя учеба, диплом, курсовые по ночам, язык, переводы — всё это ерунда. Потому что я, оказывается, просто дочь Бориса. Вот и вся моя квалификация.

Я слышу обиду и боль.

Я не знаю, что ответить.

Не потому, что мне нечего сказать.

А потому, что язык не поворачивается.

Он влез в нашу жизнь. Аккуратно. Из-за спины.

Не через дверь, а через окно, которое мы с дочерью усердно закрывали все эти 10 лет.
И делает вид, что помог.

Хотя помогать — это значит быть рядом, когда больно. А не подбрасывать щедрые возможности спустя годы. Так, якобы незначай.

— Мам, почему ты молчишь?

— Я думаю, милая... — отвечаю спустя паузу, стараясь подобрать мысли и слова.

— Я не хочу, — тихо шепчет доченька, — Я не хочу туда идти. Даже если это работа мечты.

— Тогда не иди, — резко перебиваю, — Не из принципа. А чтобы потом себя уважать и не жалеть о сделанном.

— Вот и я об этом. Я же тебя, мама, видела. Видела, как ты всё с нуля подняла. Меня подняла. Одна. Я тоже так хочу. По-честному. Даже если это будет дольше и сложнее.

И в этот момент я чувствую, как в груди разливается тепло.

Такое приятное тепло. В каждом слове- отдушина.

Она — моя отдушина. Мой тыл.

Она выросла.

И она — понимает, что я делала все для нас. Она ценит меня. Это дорого стоит от своего ребенка...

— Я горжусь тобой, — шепчу я.

— А я тобой, мам. И всегда буду.

— Обниму тебя вечером, хорошо?

— Обязательно.

— Всё, отключаюсь. Люблю тебя. Пойду подумаю.

Тишина.

А потом только: гудки-гудки-гудки.

А я сижу.

И думаю: сколько еще способов у прошлого, чтобы напомнить о себе. Сколько букетов еще будет и выкинутой макулатуры? Сколько?

Не знаю.

Но если я смогла закрывать старые двери, то смогу захлопнуть и окно, из которого стало сильно фонить.

Глава 7

Марина

Работа затянула меня, как воронка.

Документы, счета, согласования, поставки — всё валилось из рук одно за другим.

Девочки на кухне с утра по очереди напоминали то о муке, то о новой цене на миндальную пасту, то о том, что холодильник опять ведёт себя как подросток: гудит, но ничего не делает.

Я даже не заметила, как пролетел день.

Как-будто время поставили на х3, честное слово.

И только в тот момент, когда телефон коротко пискнул, а на экране появилось «17:00 — свидание», я вздрогнула так, словно в меня плеснули ледяной водой.

— Вот чёрт...

Я сказала это вполголоса, даже можно сказать почти беззвучно, но девочки всё равно отреагировали — одна сразу спряталась за стойкой, другая притворилась, что увлечена упаковкой коробок.

Я слишком резко отодвинула стул.

Я что, поеду на встречу в классическом костюме и на каблуках?

Нет уж. Меня ведь предупредили, попросили...

Не хватало ещё бегать по траве на шпильках или сидеть в каком-нибудь лесу в пиджаке цвета «слоновая кость».

Прохожу мимо корзины у стойки.

Сама не знаю зачем.

Останавливаюсь.

Смотрю.

Записки нет.

Мусор выбросили. Пусто. Только комок бумаги от упаковки.

Стискаю зубы.

Вот чёрт... Теперь говорю это точно не вслух, а про себя.

Почему при виде этого что-то щёлкает внутри, как будто я что-то упускаю?

Я отворачиваюсь. Не дам себе зацепиться. Это не чувство — это остатки. Эхо. Пыль.

Вырываясь наружу, сажусь в машину.

Дмитрий, как и обещал, вошёл в положение: перенёс встречу и решил забрать меня прямо от дома.

Так что я успею.

Не в последний момент, но почти на последнем издыхании.

Дома я быстро переодеваюсь.

Костюм в шкаф, волосы в хвост, кроссовки на ноги — как будто на экскурсию в другую жизнь.

Непривычно. Странно.

Будто я — это не я.

Но отражение в зеркале одобрительно приподняло бровь: «Хоть раз будь лёгкой, Марина». Хоть раз, позволь уже себе просто расслабиться. Время то идет, а ты все в тонусе...

Когда я вышла на улицу, его машина уже стояла у подъезда.

Светлая, чистая, не блестящая, но он явно за ней следит.

Как и за собой. Это похвально.

Он вышел из салона, подал мне руку. Очень галантно.

Довел до машины, даже открыл дверь.

Я села.

Дверь захлопнулась, и я на секунду задержала дыхание: мы остаемся вдвоем. Совсем одни.

Явно непривычное для меня чувство.

Он садится рядом.

Улыбнулся.

Ничего не сказал.

И тронулся с места, не объясняя, куда едет.

Куда он меня везёт?

Что мы будем делать?

Остается только доверится малознакомому фермеру.

Я смотрю в окно, и город начинает медленно сменяться деревьями, фонари — вспышками зелени, шум — лёгким покачиванием машины.

Одни загадки...

Но я ничего не спрашиваю.

Иногда проще не знать заранее.

Иногда... это даже приятно. Но только иногда.

Машина мягко катится по дороге.

Полосы на асфальте, камеры, навигатор молчит, как заговорщик.

Дима за рулём спокоен, как удав, сосредоточен, держит руль одной рукой.

Ни слова, ни намёка, ни объяснения.

А я сижу, уставившись в боковое окно, и чувствую, как внутри начинает нарастать лёгкое напряжение. Ну не может всё быть так тихо.

И правда. Мы ведь не в молчанку играем, вроде бы.

На очередном повороте, не глядя на меня, он вдруг произносит:

— Сегодня тебе придётся постараться, чтобы не испугаться.

Я вздрагиваю только от этого слова.

Молча. Но ощутимо.

Поворачиваюсь к нему, слегка шурясь.

— В каком смысле — не испугаться?

Что это было сейчас? Предупреждение? Угроза? Или... шутка?

Он усмехается уголком рта. Поворачивается на меня.

— Едем на квест.

— Ого, — медленно выдыхаю я.

Мне кажется, что мои глаза вылезают на лоб, как у персонажа из старого комикса.

Квест?

Я?

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, — кивает он, меняя фокус на дорогу, — Не в подземелье, конечно, и не в масках чумных докторов. Там всё прилично.

— Ага, прилично, — бормочу я, — Знаю я это прилично.

Такого я точно не ожидала. Квест? Аааа... не скажу, что плохо, просто как-то необычно.

— Обещаю, — он постукивает пальцем по кожаному рулю, — Там будет интересно.

Вот тебе и свидание.

Марина Николаевна. Женщина с круассаном и фисташками. Закрывает бухгалтерию в два клика, печет пироги без весов. И... участвует в квесте.

Я откидываюсь на спинку кресла и, к своему удивлению, улыбаюсь.

Широко, по-настоящему.

Когда ты привыкла жить как в танке, сосредоточившись на сотни ежедневных решений, проблемах и неурядицах, отвлечься от всего этого и поехать на квест — это почти как... прыгнуть с тарзанки. Что-то новое и непривычное.

Еще и с фермером рядом.

— Ну ладно, — произношу с ухмылкой,, — если я сбегу с первого задания, ты отвезёшь меня домой?

— Нет.

— Что?!

— Потому что я не отпущу тебя, пока ты не получишь удовольствие.

Я смотрю на него.

А он всё ещё улыбается.

И я вдруг понимаю, что хочу доехать.

Хочу попробовать.

И, может быть, даже не собираться сбегать.

Дорогие читатели, как вы и просили, визуал Дмитрия.

Что скажете?

Глава 8

Марина

Мы едем, и разговор постепенно становится мягким, обволакивающим, как плед в пасмурный вечер.

Дмитрий под конец дороги решил поговорить:

— Мы с племянницей часто катаемся по таким местам. Ей двенадцать, но адреналин любит как взрослая. Уже знает, где бутафорская кровь, а где действительно неожиданно.

— Храбрая девчонка, — усмехаюсь я.

— Ага. Мелкая, но квест выберет такой, что взрослые мужики визжат.

— Ты тоже визжишь?

— Я — нет, — криво улыбается он, — Но в одном подвале от неожиданности выматерился. В слух. Громко. А там дети. Стою и думаю е-мае!

Я смеюсь — почти от души.

И вдруг чувствую, что мне легко.

Это редкое ощущение.

Словно я на пару часов сняла с себя костюм взрослой, ответственной Марины Николаевны и стала женщиной, которая просто едет куда-то.

Туда, куда не нужно везти груз из прошлого.

Туда, где можно ходить без каблуков и без маски ответственности.

— Вообще-то, с компанией интереснее, — говорит он, пока мы медленно ползем в пробке, — Но я подумал, что сегодня нам точно никто не нужен.

Я поворачиваюсь к нему и киваю:

— Это уж точно.

Я улыбаюсь.

Уже в который раз за этот день.

И снова ловлю себя на этом. Как будто внутри кто-то щёлкает выключателем: «Ты что, расслабилась? Это всё не всерьёз».

А потом взгляд падает на экран телефона.

18:45.

В животе появляется неприятное чувство.

Если бы всё пошло иначе, я бы сейчас... собиралась.

Поправляла бы воротник рубашки. Натягивала бы маску железной леди.

Выезжала бы на встречу с Борисом.

Сидела бы в ресторане «Магистраль» — с официантами, скатертями, вежливыми паузами и наигранным раскаянием.

А вместо этого я еду в место, где пугают людей за деньги.

В компании фермера.

И мне совсем не страшно.

Ну, почти.

Может быть, это и есть тот самый поворот не туда, который оказывается дорогой туда, куда нужно?

Время покажет.

Пробка медленно рассасывается.

Машина наконец-то не стоит, а мчит вперёд.

Ветер сквозь приоткрытое окно колышет мой хвост.

На губах чуть настороженная... но уже настоящая улыбка.

И предвкушение чего-то нового и захватывающего.

Мы сворачивает с трассы и въезжаем на парковку перед невзрачным серым зданием с обшарпанным фасадом.

На вид — старая котельная или заброшенный склад.

У входа — только небольшая табличка с названием квеста: «Грань». Ни фонариков, ни шариков, ни вывески «Добро пожаловать».

Я уже собираюсь язвительно прокомментировать это, как телефон вибрирует в кармане.

Катя.

СМС.

«Мам, я пойду туда. Пусть старания нашего дорогого паpusика не пропадут даром».

Я замираю.

Как будто кто-то резко дернул за ниточку, и вся внутренняя конструкция развалилась.

Что?

Почему?

Как так?

Она же говорила... она же была зла...

Может, это просто попытка доказать себе, что она не зависит от эмоций? Или наоборот — злость переросла в вызов?

Пальцы скользят по экрану.

— Хорошо. Поговорим чуть позже.

Отправляю.

Пока больше ничего не скажу. Ни одного совета. Ни одного вопроса.

Катя взрослая.

И у неё свой путь.

А у меня сейчас... подвал.

Буквально.

Дмитрий уже обходит машину, открывает мне дверь.

Я вынырываю из своих мыслей, делаю шаг и тут же чувствую запах.

Запах пыли, сырости, металла.

Порог старой двери.

Ступеньки вниз.

Темнота, подсвеченная красными лампами.

Кто-то в гарнитуре что-то говорит на входе, но я не слышу — потому что в голове всё ещё звучит: «Паpusик».

Почему она передумала? Что произошло? Ей кто-то что-то подсказал? Надоумил?

Так...

Ладно. Не сейчас.

Сейчас не время.

Сейчас я в кедах, с волосами, собранными в хвост, в компании мужчины, который говорит, что всё будет «интересно, но не страшно», и ведёт меня напрямик в черный сырой подвал, где из щелей пахнет ржавчиной и детскими страхами.

Дима оборачивается и протягивает мне руку:

— Готова?

— А если я скажу «нет»?

— Тогда ты скажешь мне это в конце. А пока — доверься.

— Фраза, после которой обычно начинается катастрофа, — бурчу я, но всё равно беру его за руку.

И пусть в голове всё ещё каша из материнской тревоги, старых обид и сомнений...

Сейчас я здесь.

Спускаюсь вниз.

И, возможно, это единственный способ выбраться наружу.

Дорогие читатели, а пока мы ждем следующую продю, приглашаю вас в свои книги, на которые сегодня действует скидка!

Приятного чтения!

Измена. Вернуть нельзя уйти

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/9Wen>

Измена. Тест на предателя

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/9Wtn>

(He) Единственная

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/9Wun>

Глава 9

Марина

Подвал оказался вовсе не тем, чем казался снаружи.

Это был целый лабиринт: с низкими потолками, мерцающим светом, скрипящими дверями, пыльными стенами и цепями, висящими для антуража — хотя на ощупь были совсем не постановочными.

Ведущий в капюшоне, с лицом, раскрашенным серой краской, пробурчал что-то невнятное и скрылся в тени.

Дверь за нами закрылась с глухим щелчком.

В ту же секунду из динамика раздался механический голос:

— Ваше задание: найти выход. Время пошло.

— Ага, ну класс, — прошептала я. — Сейчас найду.

Было бы это так просто. С учетом того, что когда закрылась дверь, непонятно, где был вход.

Тьма была нагнетающей, я бы даже сказала пугающей.

Фонарик — один.

И, конечно же, он оказался у Дмитрия.

— Эй, поделись! — пробубнила я от недовольства.

— Ты ищешь, я освещаю, — отрезал он, водя лучом слабого света по стене, — Делегирование задач.

— Удобно тебе там с фонариком.

— А мне, между прочим, неудобно быть прикованным к стене.

Я только сейчас замечаю: он действительно прикован. Цепь на запястье, толстая, массивная. Лежит, свернувшись змейкой, на полу. Его левая рука вытянута ровно на длину цепи.

— Ого. Я смотрю, они не поскупились на реализме.

— Снимешь с меня эту штуку, если найдёшь нужный ключ? Он где-то в этой комнате.

Я нервно киваю, разворачиваюсь и иду в темноту на ощупь.

Комнаты небольшие, одна переходит в другую. Всё в полумраке, с узкими проходами и подозрительно скрипучими половицами.

И тут из темноты выскакивает ОНО.

Мужик.

В костюме мясника. С фейковым, но чертовски правдоподобным топором.

Он резко бросается в мою сторону, из-за его спины раздается металлический грохот, и из какой-то стены вылетают искры.

— Вы все приходите сюда и думаете, что сможете найти выход... — произносит он грозным голосом.

Злобно хохочет.

И нажимает какую-то кнопку у меня за спиной.

Где-то справа — БУМ и вспышка.

— Чёрт возьми! — я вжимаюсь в стену, согнувшись пополам, дыхание сбивается, сердце колотится как бешеное.

На секунду становится по-настоящему страшно.

По-настоящему.

В животе все сжимается.

В горле пересыхает.

Но тут я поворачиваю голову и вижу Диму.

Он сидит прикованный, фонарик направлен вверх, глаза прищурены, но он... смеётся.

Достаточно собран и погружен в процесс квеста, но смеётся.
Не испугался.
Не сжался в комок.
Просто хохотнул, как будто друг сыграл с ним злую шутку.
И я вдруг понимаю: если он не боится, значит, и я не обязана.
И не буду.
Не дождетесь.
Круассаны красть не боюсь и мясника не испугаюсь.
Выпрямляюсь.
Страхиваю налетевшую пыль с руки.
И, зло глядя на мясника, шепчу:
— Еще раз дернешься — и я оторву тебе этот топор и засуну его в твой антуражный инвентарь. Понял?
Он хрипло рассмеялся и исчез в темноте.
А я иду дальше.
Потому что если я зашла, то и выйду.
И не просто так. А с ключом.
И вот я бегу по темному коридору, в третий раз спотыкаясь об одну и ту же чертову ступеньку.
Дверь отъехала в сторону, и за ней оказалось новое помещение — пыльное, с тусклой лампой, которая раскачивалась, как на ветру. В центре стоял металлический ящик с цифрами.
— Вот ты где! — доносится голос Дмитрия из соседней комнаты, — Я думал, ты решила сбежать одна.
— И не надейся, что я тебя брошу, — рявкнула я, — Просто ключ... оказался в кишке искусственной коровы.
— О, прекрасно. То-то у тебя такое выражение лица, как у хирурга с похмелья.
Ключ всё-таки нашёлся.
Я подхожу к нему, руки дрожат от напряжения — не от страха, а от усталости.
Дмитрий протягивает мне запястье.
Щёлк.
Цепь падает на пол.
Звук невероятно приятный.
Он смотрит на меня с каким-то... благородным блеском в глазах. Не то чтобы приторно, просто — тепло. Я отворачиваюсь, как будто ничего не почувствовала.
Проходит ещё десять минут, несколько глупых загадок — и вдруг грохот.
Дверь с надписью «Выход найден» распаивается.
Мы выходим.
Свет бьёт в глаза.
В голове всё еще шумит.
Я останавливаюсь и выдыхаю.
Дмитрий подходит ближе и... обнимает меня.
Без слов.
Просто прижимает к себе одной рукой.
Я позволяю.
На секунду.
Прижимаюсь щекой к его плечу. Дыхание ровное, его сердце бьется где-то рядом с моим.
Но я быстро отстраняюсь.
Не нужно.
Не сейчас.

Не расслабляйся.

— Пойдем, — зову я, делая шаг к двери.

Не оборачиваюсь. Хотя спина... немного ноет от того, что он больше не прикасается ко мне.

На улице уже темно.

Пахнет вечерним дымом, далёким костром, и что-то шевелится в груди.

Живое и искреннее.

Мы садимся в машину.

Он протягивает мне воду и улыбается.

— Слушай, это было страшнее, чем я думал. Я вообще не рассчитывал, что нам придется ползать по чердаку.

— А меня никто не предупреждал, что мне придётся доставать ключ из искусственной кишки. Отличное свидание, спасибо.

Мы смеёмся. До слёз.

От напряжения, от адреналина, от того, что снова можно дышать.

Внезапно телефон вибрирует в кармане.

Я достаю его и смотрю на экран.

Сообщение.

Без имени.

Просто текст.

«Мне тебя ждать? Я за вторым столиком справа».

Момент.

Следующий момент.

И всё.

Меня сплюсчивает изнутри, как будто кто-то обхватил мою грудную клетку руками и сжимает её.

Я сразу понимаю.

Это он.

Борис.

Он все еще в ресторане.

Всё ещё ждёт меня.

Он уверен, что я приеду.

И тут в голове всплывает один вопрос, который меня крайне смущает:

Откуда он узнал мой номер?

Глава 10

Марина

Я читаю сообщение — и как будто кто-то открыл внутри меня холодильную камеру.

Лицо каменеет само по себе.

Пальцы нажимают кнопку блокировки.

Чёрный экран.

Чёрт с ним.

Я смотрю в лобовое стекло, не моргая.

Не дыша.

Как будто если долго смотреть вперёд, то всё исчезнет.

Дмитрий замечает это мгновенно.

Конечно, замечает.

Он ведь даже по малейшему изменению дыхания подсказывает, когда нужно сделать шаг в сторону на квесте.

— Всё в порядке? Или у тебя шок в шоке?

Я прерывисто вздыхаю, словно только сейчас вспоминаю, что вообще могу говорить.

— Да просто... пора домой.

Сжимаю пальцы на коленях.

— С дочерью нужно поговорить. Ещё дела по работе. Утром рано вставать.

Он не настаивает. Просто чуть сильнее сжимает руль.

Не спрашивает меня. И за это ему спасибо.

Я мельком смотрю на часы.

Двадцать два ноль пять.

Два часа назад я должна была сидеть в ресторане. За белой скатертью, с бокалом вина и ледяной улыбкой.

А он всё ещё ждёт?

Зачем?

И главное — откуда у него мой номер?

Что это, месть?

Манипуляция?

Или просто Борис-режиссёр решил разыграть драму на бис?

— Ладно, поехали, — Дима нажимает на газ и машина трогается с места.

Его голос вытаскивает меня из состояния мысленной смуты.

Я поворачиваюсь и натягиваю на лицо дежурную улыбку, ту самую, которая означает: «Всё в порядке, у меня просто внутри оборвалась проводка, но вы не обращайте внимания».

Киваю.

— Поехали.

Машина слегка покачивается на проселочной дороге, а внутри меня всё грохочет.

Но снаружи я снова Марина Николаевна.

С прямой спиной, собранными волосами и непоколебимой уверенностью в завтрашнем дне.

Сначала — домой. Потом — разберусь.

Или хотя бы сделаю вид, что могу это сделать.

Дорога домой проходит будто в дымке.

Мы почти не говорим.

Дмитрий что-то включает в машине — фоновую музыку без слов, и она, к счастью, заполняет тишину.

Я смотрю в окно, он — на дорогу.

Иногда бросает взгляд в мою сторону, но не лезет с вопросами. Уважает границы. И за это я благодарна. Очень.

Он останавливается у подъезда, выходит и открывает мне дверь.

— Спасибо за вечер, Марина.

Я киваю.

— И тебе спасибо. Было... необычно.

Улыбаюсь. Чуть-чуть. Настолько, насколько могу.

Поднимаюсь, открываю дверь.

Снимаю кроссовки, даже не развязывая — они сами слетают с ног. Иду на кухню.

Молча.

Как будто меня ведёт автопилот.

Ставлю чайник.

Достаю из холодильника контейнер с ужином — вчерашней гречкой и куриной котлетой.

Разогреваю. Микроволновка гудит, чайник шипит.

Всё привычно. Механически.

А в голове... и пустота, и буря одновременно.

Открываю мессенджер. Пальцы сами набирают:

“Свободна? Позвоню?”

Ответ приходит почти сразу:

“Да, конечно, мам.”

Вот сейчас.

Наконец-то.

Разговор, от которого никуда не деться.

Я нажимаю на кнопку вызова.

Сердце стучит, будто я сама в чём-то виновата.

— Привет, солнышко. Прости, я была на встрече. Почему ты передумала?.. — голос у меня мягче, чем хотелось бы.

Волнение пробирается в каждую фразу, но на том конце — лёгкий выдох.

— Ну... так скажем, причина есть.

Я напрягаюсь, неужели Боря уже добрался до нее? За секунду в голове пролетает тысяча и одна мысль.

— Какая? — спрашиваю, хоть и сомневаюсь, понравится ли мне ответ.

— Меня уговорили. Сказали, что глупо не воспользоваться такой возможностью.

— Кто? — я сжимаю в пальцах кружку с чаем.

Обжигает.

Не отпускаю.

— Мой молодой человек, — отвечает Катя после паузы, — Я тебе не рассказывала... Я не была уверена, что всё серьёзно. Но обещаю, что скоро познакомлю тебя с ним. Его зовут Андрей.

Я замираю.

У меня в груди словно хлопает створка жалюзи.

Молодой человек...

Катя. Моя девочка.

Уже не девочка.

Уже кто-то рядом, кто оказывает на неё влияние.

Раньше она всегда советовалась со мной. Только со мной.

Но я сглатываю.

— Понятно... — отвечаю тихо, стараясь быть максимально тактичной.

Не говорила, значит поводов не было. Сама знает, как лучше.

Собираюсь с духом, подбираю слова и продолжаю:

— Ну, раз он такой убедительный, тем более стоит познакомиться. Только не тyani, ладно?

Слышу, как она смеется.

— Обещаю. Скоро. Очень скоро.

Я улыбаюсь в трубку.

Но где-то в глубине души у меня возникает ощущение, что мир снова немного изменился.

Катя взрослая. У неё уже своя жизнь.

И я, похоже, больше не единственный человек, на чье мнение она полагается.

Я не то чтобы в шоке.

Скорее даже... рада.

— Ну хорошо, — произношу с облегчением, как будто только что сняла с плеч тяжелый рюкзак, — Может, завтра поужинаем у меня?

— Посмотрим, мам. Скажу с утра, мне ещё на собеседование ехать.

— Хорошо, — я перекладываю телефон из одной руки в другую. Потом снова обратно. Берусь за ложку. Не знаю, куда себя деть.

— Пиши. И... — делаю паузу, словно выдыхаю весь накопившийся за день воздух, — Спокойной ночи. Завтра поговорим.

— Доброй ночи.

Звонок заканчивается.

А я остаюсь одна на кухне с чашкой горячего чая. Но уже не обжигающего.

Пальцы сами открывают переписку.

Сообщение пришло почти час назад.

От него.

«Тебя ждать?..»

Смотрю на экран.

Секунда. Две. Пять.

И набираю в ответ:

«Я столько лет тебя ждала... и ты подождешь».

Глава 11

Марина

Удаляю сообщение.

Без истерик, без колебаний.

Блокирую номер.

Тихо, как будто выключаю свет в комнате, где мне давно неуютно.

Всё. Хватит.

Захлестнуло — и хватит. И поделом.

Не хватало ещё мусолить это болото прошлого, будто оно платит мне за аренду за нахождение в моей голове.

Прохожу по квартире босиком, на цыпочках, как будто могу кого-то разбудить. Хотя здесь только я.

На кухне — пустая чашка. В гостиной — плед на спинке кресла.

В прихожей — моя сумка, которую я так и не разобрала с утра.

Надо бы устроить тотальную уборку.

В углах приличный слой пыли, я слишком сильно погружена в работу последнее время и сил на генеральную просто не остается.

Катя собирается приехать. Со своим Андреем.

Парень дочери, конечно, дело важное. Надо хоть не опозориться перед будущим зятем — мало ли.

Тут бы и правда пропылесосить, и прихожую разобрать.

Может, даже шторы постирать...

Страхиваю пыль с книжной полки — и вдруг замечаю, что уже четвёртый час.

Точнее, 04:13, если быть честной.

Фуф.

Так, всё.

Пора спать, Марина Николаевна. Иначе завтра никто не поверит, что ты взрослая женщина, а не сомнамбула с нервным румянцем.

Я вырубаюсь почти мгновенно.

Ни мыслей, ни картинок в голове — просто тишина и сон, как по выключателю.

И на удивление... утром просыпаюсь бодрой, будто не вчера был этот квест, ресторанные смс, эмоциональные американские горки и диалог с дочерью, который всё-таки задел.

Встаю, потягиваюсь и вдруг — импульс. Внезапный: а не взять ли мне выходной?

Все-таки важный вечер и к нему явно стоит подготовиться.

Набираю девочек на работе, предупреждаю: сегодня меня не ждите, я вне зоны доступа к тортам и кассовым аппаратам.

— Справитесь?

— Конечно, Марина Николаевна, вы только отдохните, — хором.

С утра успеваю даже заскочить в спортзал.

Двадцать минут на беговой дорожке, тридцать на тренажерах, немного самолюбования перед зеркалом в раздевалке — и домой.

День пролетает на удивление быстро. Лёгкий, как майский ветер.

Катя присылает сообщение:

«Ужин состоится. Приедем к семи. Будь, как всегда, прекрасна :)»

Я улыбаюсь в экран и откладываю телефон.

Делаю заказ в доставке, забираю все необходимое. И врываясь на кухню, начинаю подготовку к ужину.

На плите — паста с лососем, салат с рукколой и грушей, сырная тарелка, свежий багет. Даже свечи достаю. Не из романтических побуждений, а чтобы было... по-праздничному. Сколько уж они могут пылиться в шкафу без дела... чем не повод? Повод!

Не скажу, что сильно, но всё же.

За всю жизнь Катя познакомила меня только с одним молодым человеком — тогда, пару лет назад.

Серёжа, менеджер с глазами щенка и голосом калькулятора.

Не сложилось.

Она сама потом сказала: «Больше никого не приведу, пока не буду уверена на сто процентов».

Значит, теперь она уверена.

Значит, всё серьёзно.

Время пролетело максимально быстро, я даже успела осушить бокальчик белого сухого за готовкой.

Ну а что? Для храбрости.

Могу себе позволить.

Но тем не менее все успела и дажехватило время навести легкий марафет и переодеться в приличное.

Неброский макияж, локоны, черное приталенное платье.

Ну что ж, вроде все...

Смотрю на телефон. 19:16.

Задерживаются...наверно пробки. Будни же, вечер.

И тут.

Звонок в дверь.

Сердце колотится, как будто я не мать, а школьница на свидании.

Открываю.

На пороге — Катя.

И он.

Лет двадцати пяти, высокий, опрятный. Улыбается во весь рот. Протягивает мне свёрток.

— Здрасьте.

— Здравствуйте, — отвечаю я, принимая коробку. Конфеты. Милота. — Проходите.

Катя кивает, словно проверяя мою реакцию.

И я вдруг понимаю, что всё.

Началось.

Глава 12

Марина

Ужин начинается вполне обычно.

Накрытый стол, красивая сервировка, домашняя атмосфера — всё как полагается.

Свечи зажжены, свет приглушенный.

Бокалы вина наполнены.

Усаживаемся.

Катя сразу берёт инициативу на себя, будто я тут зритель в её спектакле.

— Мама, Андрей работает администратором, он отвечает за приёмку, товар, контроль на складе... в общем, у него светлая голова.

— Деньги, — вставляет Андрей с самодовольной усмешкой, — чтобы покупать вашей дочке вкусняшки, есть.

Я киваю.

Сомнительное, конечно, объявление.

Звучит как заголовок в школьной стенгазете: *«Мой первый бизнес»*.

Как будто это всё, что нужно знать матери твоей девушки.

Катя хихикает.

Я улыбаюсь в ответ, но по моему лицу пробегает тень.

Стараюсь не показывать этого — вроде бы он не сказал ничего ужасного. Но и не порадовал.

Через пару минут он наклоняется ко мне через стол, как будто хочет поделиться чем-то сокровенным:

— Кстати, вы, Марина Никола

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.